

ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Аллегорическое изображеніе четырехъ временъ года.

(Съ Французскаго.)

Весна.

Душа природы, милая Богиня весны, распоргла узы плѣна своего; несомая на крылахъ Зефира, низпускается съ высоты небесъ, проясненныхъ ея дыханіемъ и восхищенныхъ ея присутствіемъ. Тонкій, благовонный паръ, вокругъ нея разливающийся и какъ бы напиманный нѣжнѣйшею зеленью, являетъ слѣды ея всеоживляющаго шествія; видъ ея стройнѣе, прекраснѣе посланницы боговъ; черты лица — юнѣйшей изъ Грацій; сіяніе вновь распускающейся розы уступаетъ цвѣту ланишъ. Зеленая ткань, коея прозрачность оставляетъ угадывать покровенныя онымъ прелести, вѣетъ вокругъ ея прекраснаго спана и спрасно ласкаетъ его округло-

сти. Персты одной руки ея перебѣгаютъ по струнамъ лиры Амуровой, на которой сей Богъ изобразилъ свои побѣды. Вдругъ на сладостные звуки животворной гармоніи приближаются двѣ тѣни, одна другою привлеченные, и сливаются во едино: убранныя въ прелестныя формы, какія древностію даны Психеѣ и Амуру, онѣ въ восхищительномъ упоеніи блаженства не изъяснимаго, кажется, взаимно тронуты, смятенны живѣйшимъ чувствомъ; — бессмертная любитъ ими: ея взоры, въ коихъ блискаетъ кроткое величіе, приятно покоятся на сихъ счастливыхъ предметахъ ея попеченій. Все, что дышетъ, что наслаждается жизнію — пользуется правами, любви ихъ присвоенными. Въ темныхъ изгибахъ ея волнующейся одежды, какъ бы въ глубинѣ таинственной рощи, двѣ нѣжныя горлицы, очарованныя звуками волшебной лиры, осыпаютъ другъ друга сладостными поцѣлуями. Полураспущенныя крылья ихъ нѣжно колеблются, — каждое перышко препещетъ отъ удовольствія. Одинъ изгибъ одежды, неподверженный своенраію зефировъ, служишь безопаснымъ убѣжи-

щемъ для малютокъ — пшичекъ малиновокъ; тамъ мать — въ уютномъ гнѣздышкѣ — скрываетъ драгоцѣнные плоды любви своей, еще заключенные въ слабой темницѣ. Дочь Венеры склоняетъ свою прекрасную голову, на которой тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ, возраждающихся и возобновляющихся безпрестанно, служатъ ей вмѣсто вьющихся, небрежно разсыпанныхъ кудрей и составляютъ ея дѣадему и все головное украшеніе. Здѣсь величественный нарцисъ, лютикъ, анемонъ и надменный тюльпанъ спорятъ одинъ съ другимъ въ великолѣпіи и превосходствѣ красоты своей; тамъ смиренная фіалка и гибкой гіацинтъ блестятъ тихимъ свѣтомъ, и приятнымъ смѣшеніемъ своей лазури возвышаютъ пурпуръ и золото развивающейся розы. Рѣзвые мотыльки, порхая вокругъ нихъ жужжащими роями, питаются благоуханіемъ, истекающимъ изъ ихъ чашечекъ. Юная богиня, взирая на чудеса, ею произведенныя, чувствуетъ тайную радость, наполняющую сердце ея сладостію неизъяснимою; улыбка счастья разливается на румянныхъ устахъ. Ея намѣреніе исполнено: все наслаждаетъ

ся, все осчастливлено ея благодѣянїями—и
видъ природы обновился.}

Л ѣ т о.

Пылающій сынъ солнца, лучезарное
лѣто въ свою чреду владычествуетъ надъ
природою: величественные и кроткіе
взоры его обращены къ землѣ; оно усо-
вершаетъ начатое весною. Изъ его головы
и твердой груди, вмѣстилища огненныхъ
началь, истекаетъ свѣтъ во всѣ стороны.
Струящееся пламя образуетъ его блес-
стящіе волосы. Одною рукою держитъ оно
Сирїуса, дышащаго вредными испаренїя-
ми; другою льетъ изъ урны въ изобилїи
плодошворныя воды. Изъ соединенїя двухъ
началь, жара и влаги оно составляетъ
бурныя облака, которыя попирая своею
мощною ногой, приближаетъ къ землѣ.
Молнія съ страшнымъ трескомъ и градъ
вырываются изъ оныхъ, и благотвор-
ный дождь своею приятною прохладой
пронизываетъ, напаяетъ и оживляетъ жаж-
дущую землю. Но буря стиха; уже въ од-
ной сторонѣ, гдѣ пары нѣсколько изрѣ-
дились, сіяетъ восхищенному взору бле-
стящій поясъ Ирисы. Одѣяніе лѣта оп-
тѣнено самою живѣйшею зеленою: здѣсь

спайтся ящерица Европейская, до половины скрывая въ мрачныхъ его изгибахъ, и въ нихъ, какъ бы въ тѣни густаго кустарника, бзстрашно презираетъ зной палящаго дня. Далѣе перескакиваетъ легкомысленный кузнечикъ и истощается въ бесполезныхъ пѣсняхъ; между тѣмъ трудолюбивый муравей въ молчаніи заготовляетъ для себя припасы. На другомъ краѣ мантіи опасной змѣй, обиташель спранъ, покоренныхъ игу пламеннаго Экватора, гордо расширяетъ двойные круги свои и поднимаетъ дерзкую голову къ свѣшозарному Богу лѣта, который лучами власовъ своихъ, кажешся, воспламеняетъ черный ядъ, его наполняющій, и разнообразныя цвѣты искрящейся, чешуйчатой его брони. Но благодѣтельное лѣто произвело свое дѣйствіе; изъ-подъ богатой одежды, его покрывающей, свободно вытекають златые класы—сладкая награда, которою оно съ избыткомъ платитъ неупомимымъ земледѣльцамъ за пролитый ими потъ.

О с е н ь.

На конецъ богатая осень, въ образѣ Божества, шествуетъ для исполненія обѣ-

щаній весны. Богиня склоняетъ свое румяное лице и улыбаясь землѣ, на которую взираетъ она съ матернею нѣжностію, разливаетъ по ней радость и счастье. Правой рукою опрыскаетъ съ позлащенныхъ влассъ своихъ перловыя капли неизсякаемаго дождя, и орошаетъ ими тысячи различныхъ плодовъ; а лѣвою съ любовію сжимаетъ сосцы свои, что бы напитать счастливыхъ дѣтей Цибелы. Но одежда ея мало по малу опѣняется какимъ-то поблеклымъ цвѣтомъ, которымъ приближающаяся зима скоро опечалитъ природу. Легкое опоясаніе, коего цвѣтъ еще блеститъ нѣжною зеленію весны, обвивается во кругъ ея стана и развѣваемое зефирами, роскошно волнуется — эмблема вторичной силы года, появившейся для сопротивленія приближенію зимы и употребленія послѣдняго усилія, что бы избѣгнуть ея могущества. Обнаженными ногами своими, румянцемъ розы покрытыми и легкимъ, прозрачнымъ туманомъ одѣтыми, она топчетъ златошопурпурный виноградъ. Сія благодѣтельная дочь лѣта приготовляетъ напитокъ Бахуса — сей спасительный баль-

замъ, улаждающій горести смертныхъ, коего проникающій жаръ поддерживаетъ и оживотворяетъ ослабѣвшія ихъ силы. Кромѣ сихъ даровъ осень доставляетъ еще человѣку, жадному къ наслажденіямъ, удовольствія охоты. Тщетно рябчикъ и робкой заяцъ въ изгибахъ ея одежды ищутъ спасенія отъ преслѣдованій проворныхъ своихъ неприятелей: въ минушу, лишась возможности убѣжать, они дѣлаются добычею охотника.

З и м а.

Зима является послѣднею и оканчиваетъ кругъ года; она повергаетъ у ногъ своихъ пламенникъ, изъ коего истекаетъ животворная теплота, и уменьшаетъ дѣйствіе огня, не погашая во все онаго. Изъ бронзовой урны, которую держитъ въ рукѣ своей, рассыпаетъ она сокровища мраза и попираетъ ногою кучи блестящаго снѣга: вдругъ онъ раздѣляется, зыблется, падаетъ на унывшую землю и покрываетъ оную неизмѣримою ризою печали. Водяныя пищицы быст-

рымъ полетомъ разсѣкають хладную атмосферу. Тиранъ года облеченъ мантіею блѣднаго цвѣта, отъ которой вянутъ растѣнія. Сія мантія служишь ему украшеніемъ и едва прикрываетъ его рамена. Его крѣпкія мышцы, бедра и жилистые, обнаженные ноги показываютъ его неукрошимую силу; волосы, борода и брови, подобно вершинамъ Алпійскихъ или Пиринейскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрышымъ, морщатъ его свирѣпый видъ. Иней и мрачныя бури рождаются отъ его грозной головы и вьются около чела, печально наклоненнаго къ землѣ, которая замерзаетъ отъ его угрюмыхъ взоровъ. Вѣнокъ изъ увядшихъ вѣшвей — памятникъ его торжества надъ лѣтомъ, вѣнчаетъ его голову; нѣсколько изсохшихъ листковъ еще держатся, другіе съ трепетомъ облетаютъ и у ногъ его засыпаются снѣгомъ. Но непреложные законы природы возбраняють ему разрушить всѣ ея произведенія; онъ еще уважаетъ ихъ и въ доказательство своего повиновенія неизмѣняемой волѣ Божиимъ, и какъ бы въ ея угожденіе, онъ

присоединяетъ къ своей печальной дѣдимѣ
нѣсколько вѣтвей тѣхъ вѣчно-зеленѣю-
щихъ деревъ, которыхъ угрюмую и вели-
чественную красоту онъ еще болѣе увеличи-
ваетъ и возвышаетъ.

А. Складовскій.

Картинное описаніе кладбища.

(Изъ Сенъ - Пьера.)

. . . Впрочемъ шаръ земной, которой не имѣеть довольно пространства для людей живыхъ, не долженъ имѣть недостатка въ ономъ для мертвыхъ. Природа насадила во всѣхъ мѣстахъ растѣнія, кои могутъ превращать въ благовоніе худой запахъ воздуха и служить украшеніемъ гробницъ, по своему задумчивому и возбуждающему благоговенію виду. Изъ всѣхъ растѣній, стелющаяся алцея съ своими полосатыми цвѣтами, и золошоокъ съ своимъ длиннымъ стеблемъ, усыпаннымъ прекрасными бѣлыми и желтыми цвѣтами, болѣе всѣхъ любящъ росны на могилахъ. Бѣлой родится только въ полуденныхъ странахъ Франціи и Европы, гдѣ онъ всегда гармонируетъ, такъ какъ и желтой, съ алцеею. Это доказываетъ слѣдующая надпись, вырѣзанная на одной древней гробницѣ: „извѣтъ окруженъ я алцеею и золошоокомъ, а внутри— только трупъ.“ Золошоокъ принадлежитъ къ роду лилей и поднимается до двухъ или трехъ футовъ. Его прекрасные цвѣты,

заслуживающіе того, что бы ихъ разводили, приносящъ зерна, коими—по мнѣнію древнихъ—пишались мертвые, изъ коихъ и живые дѣлають иногда употребленіе. По словамъ Гомера, тѣни, переправившись чрезъ Стиксъ, проходили длинную долину, покрытую золошоокомъ. — Что касается до надгробныхъ деревь, то я нахожу ихъ два рода, и они разбѣяны въ различныхъ климатахъ; оба имѣють два противоположныя свойства: деревья перваго рода опускають даже до земли длинныя и тонкія свои вѣтви; они волнуются по волѣ вѣтровъ. Сіи деревья какъ бы съ распущенными волосами, кажется, оплакивають какое-то несчастіе: такова казарина, растущая на островахъ Южнаго моря, коею природные жители обсаживаютъ гробницы своихъ предковъ. У насъ есть плакучая или Вавилонская ива: на ея вѣтвяхъ плѣнные Іудеи повѣсили свои лиры. Обыкновенная наша ива, когда ея вершина не обрѣзана, опускаетъ такъ же внизъ концы своихъ вѣтвей, и тогда получаетъ задумчивый видъ. Шекспиръ чувствовалъ и выразилъ это очень хорошо въ лѣснѣ обѣ ивѣ, которую онъ

влагаетъ въ уста Десдемоны, готовою
окончить свои несчастные дни. И другія
деревья имѣютъ также развѣсистыя вѣтви;
я видѣлъ изъ нихъ нѣкоторыя: таковы
суть извѣстные роды ясеней, фиговое де-
рево на Иль-де-Франсѣ, коего плоды ле-
жатъ почти на землѣ, и сѣверныя бере-
зы. Второй родъ могильныхъ деревъ со-
ставляютъ шѣ, кои поднимаются на по-
добіе обелисковъ и пирамидъ. Ежели де-
ревья съ длинными вѣтвями обращаютъ,
кажешся, наши сожалѣнія къ землѣ; то
деревья послѣдняго рода вмѣстѣ съ сво-
ими вѣтвями устремляютъ наши наде-
жды къ небу: таковы суть между прочи-
ми горные кипарисы, Итальянскіе топо-
ли, и сѣверныя ели. Кипарисъ съ своимъ
волнующимся и винтообразнымъ листвѣ-
емъ походитъ весьма много на пряслицу,
обвившую волну, такъ какъ волны во-
ображали ея въ рукахъ Паркъ, кои прядутъ
наши судьбы. Тополи, по мнѣнію остро-
умнаго Овидія, суть сестры Фаэтона,
кои оплакиваютъ участь своего брата,
поднимая руки къ небу. Что касается
до ели, то я не знаю другаго дерева, ко-
торое бы съ болѣшимъ приличіемъ могло

украшать гробницы: для сего-то употребляютъ ее весьма часто Китайцы и Японцы. Они взираютъ на нее, какъ на символъ безсмертія. — Въ самомъ дѣлѣ ея ароматическій запахъ, ея мрачная и вѣчная зелень, ея пирамидальная вершина, которая, кажется, уходитъ въ облака, и сіе неизъяснимое стenanіе, производимое ея вѣтвями, колеблемыми вѣтромъ— все это сотворено, кажется, для того, что бы величественно украсить гробовой памятникъ и поддерживать въ насъ чувство нашего безсмертія.

Будемъ насаждать сіи деревья, исполненныя печальныхъ выраженій, на могилахъ нашихъ друзей. Растѣнія суть буквы въ книгѣ природы; и кладбище должно быть училищемъ нравственности. Тамъ, при видѣ сильныхъ, богатыхъ и злыхъ, обращенныхъ въ прахъ, исчезаютъ всѣ человѣческія страсти: гордость, жадность, скупость, зависть; тамъ пробуждаются самыя тихія чувства, при воспоминаніи дѣтей, супруговъ, родителей и друзей; самые дикіе народы шуда приносятъ яшвы; жители восточные раздаютъ тамъ пищу бѣднымъ. А мы насадимъ по крайній мѣрѣ

шамъ деревья, кои сохраняли бы намъ вос-
споминаніе о нихъ. Иногда мы воздвига-
емъ урны и спатуи; но время скоро уни-
чтожаетъ искусственные памятники, ук-
репляя каждой годъ болѣе и болѣе па-
матники природы. Древнѣе писы нашихъ
кладбищъ переживали многократно самыя
церкви, коихъ построеніе они видѣли. Осѣ-
нимъ наши отечественныя кладбища ра-
стѣніями, кои были бы приличны различ-
нымъ сословіямъ гражданъ, тамъ покою-
щихся; пусть на ихъ могилахъ растутъ
пѣ деревья, кои доставляли имъ пропитаніе
въ сей жизни: пусть ива растетъ на мо-
гилѣ корзинщика, дубъ на могилѣ площ-
ника, виноградная лоза на могилѣ вино-
градаря. Особенно посадимъ тамъ растѣ-
нія всегда зеленѣющія, которыя напоми-
нали бы безсмертныя добродѣтели, гораздо
полезнѣйшія отечеству, нежели художе-
ства и таланты; пусть блѣдныя фіалки
и милыя незабудки съ каждою весною рас-
цвѣтають на могилахъ дѣтей, любившихъ
своихъ родителей; пусть Жанъ Жаковъ
могильникъ, болѣе драгоценный для любя-
щихся, нежели самый миръ, распускаетъ
свои голубые цвѣты на могилѣ красавицы

всегда вѣрной; пусть плющ въесться около кипарисовъ на могилахъ супруговъ, соединенныхъ даже до смерти; пусть лавръ означаетъ шлемъ храбрости воиновъ, а олива добродѣтели гражданъ; наконецъ надгробные камни, на коихъ изсѣчены надписи въ честь людей, оказавшихъ великія услуги человечеству, пусть будутъ осынены плющемъ, можжевельникомъ, хмѣлемъ съ темными зернами, благовоннымъ козѣмъ листомъ и величественными елями. О если бы я могъ нѣкогда прохаживаться въ сихъ Елисейскихъ поляхъ, освѣщенныхъ лучами зари, или огнями заходящаго солнца, или блѣднымъ свѣтомъ луны, и во всякое время освѣщенныхъ прахомъ людей добродѣтельныхъ, — имѣть здѣсь свою могилу, окруженную могилами моихъ дѣтей, и на которой была бы поставлена черепица, одѣтая мохомъ! Черезъ сѣи-шо расшитыя украшенія цѣлыя народы дѣлали могилы своихъ предковъ почтенными для потомства. Въ семь саду смерти и жизни, времени и вѣчности, образовались бы нѣкогда чувствительные и возвышенные мудрецы: Конфуціи, Фенело-

ны, Адиссоны, Юнги. — Тамъ исчезли бы
пустые призраки сего свѣта, призрѣлицѣ
толикаго множества людей, коихъ пора-
зила смерть; тамъ возродились бы надеж-
ды лучшей жизни, при воспоминаніи о ихъ
добродѣтеляхъ.

Н. Лесницкій.

Шумъ вѣтра между деревьями.

(Изъ Сень-Пьера).

Кто опишетъ движенія растѣнй, сообщаемыя имъ воздухомъ? Сколько разъ—удалаясь отъ городского шума, въ глубинѣ уединенной долины, увѣнчанной рощею, сидя на краю луга, волнуемаго вѣтромъ—я любовался цвѣтами золотистаго донника, пурпуроваго трилистника и луговыми травами, кои спруились на подобіе полнѣ и представляли глазамъ моимъ колеблющееся море цвѣтовъ и зелени. Между тѣмъ вѣтры потрясали надъ моею головою величественныя вершины деревьевъ. Края древесныхъ листьевъ представляли попеременно два рода различной зелени. Каждое дерево имѣетъ свое особенное движеніе. У твердаго дуба гнутся только вѣтви, гибкая ель колеблетъ свою высокую пирамиду, крѣпкій тополь шрепещетъ движущимися листьями, а береза развѣиваетъ ихъ въ воздухѣ на подобіе длинныхъ волосъ. Кажется, они одушевлены страстями: одно преклоняетъ

ся низко предъ своимъ сосѣдомъ, какъ бы передъ начальникомъ; другое обнимаетъ его, какъ друга; а претіе порывается во всѣхъ направленіяхъ, какъ бы вблизи неприятеля. Почтеніе, дружество, гнѣвъ, подобно какъ и въ сердцахъ людей, переходятъ отъ одного къ другому, — и сїи перемѣнчивыя спраспи въ самомъ дѣлѣ суть только игра вѣтровъ. Иногда старый дубъ поднимаетъ посреди другихъ деревъ свои длинные сучья, обнаженные и неподвижные. Подобно спарцу, онъ не беретъ уже участія въ окружающихъ его волненіяхъ: онъ жилъ въ другомъ вѣкѣ. Между тѣмъ сїи великія безчувственные тѣла издають унылый и меланхолическій тонъ. Это не есть какой нибудь внятной голосъ, но смѣшенный шумъ, подобный шуму народа, которой вдали громкими восклицаніями поржествуетъ свой праздникъ. Тутъ нельзя различить главныхъ тоновъ; это только однообразные звуки, между коими слышенъ глухой и глубокой шумъ, клонящій насъ къ сладкой задумчивости. Такимъ образомъ шумъ лѣса сопровождаетъ пѣс-

ни соловья, который изъ гнѣзда своего обращаетъ къ богамъ любви благодарственные обѣщанія. Это основаніе концерта, изъ коего выдается громкое пѣніе птицы, такъ какъ зелень служитъ основною краскою, на коей отпѣваяющія цвѣты и плоды.

Сей шорохъ луговъ, сей шумъ полей имѣешь такія прелести, кои я предпочитаю самой приятной музыкѣ; душа моя предаётся имъ совершенно: она колеблется съ волнующимися листьями деревъ, возвышается съ ихъ вершинами къ небесамъ; она переносится въ шѣ вѣки, кои видѣли ихъ рожденіе, и въ плѣ, кои увидятъ ихъ конецъ; они до безконечности распространяютъ мое смѣненное и скоропреходящее бытіе. Луга и рощи, кажется, говорятъ мнѣ таинственнымъ языкомъ лѣсовъ Додонскихъ; они погружаютъ меня въ неизъяснимыя мечтанія, при коихъ выпадаютъ часто изъ рукъ моихъ книги мудрецовъ. Величественныя лѣса, мирныя пустыни! Вы не одинъ разъ успокоевали мои спраски; да не оглашаютъ бранные

крики ваших звонких полянъ! Сопровождайте своимъ благоговѣннымъ шопотомъ только пѣніе птицъ, или приятные разговоры друзей и любящихся, кои приходятъ отдыхать подъ вашею тѣнью.

Н. Левицкій.

Эхо.

(Изъ Гердера.)

Не вѣрьте, простодушныя дѣти, не вѣрьте баснѣ стихотворцевъ, будто бы скромное Эхо есть вздорливая соперница вѣтреннаго Нарцисса, или болтливая измѣнница своей Богини: оно не показывалось даже ни одному смертному, и уста его не произносили прежде ни одного звука. Но послушайте, я вамъ расскажу ея истинную исторію:

Гармонія, дочь любви, была усердною помощницею Юпитера при созданіи. Съ матернимъ чувствомъ одаряла она каждое творимое существо голосомъ или звукомъ, который проникалъ его, сохранялъ его бытіе, и соединялъ оное совсѣми однородными существами. Наконецъ сія добрая мать истощилась; и поелику она по своему рожденію была только полубезсмертна, то и надлежало ей, умирая, разлучиться съ своими дѣтьми. Какъ горестна для нея была сія разлука! Умоляя, поверглась она предъ трономъ Юпитера и сказала: Всесильный! пусть образъ мой исчезнетъ изъ среды

Боговъ; но не уничтожай моего душевнаго чувства и не разлучай меня съ тѣми, коимъ дала я бытіе изъ моего сердца. По крайнѣй мѣрѣ хотя невидимо я хочу быть между ними, дабы съ ними чувствовать, съ ними раздѣлять каждый голосъ боли или радости, чрезъ кои ихъ я содѣлала счастливыми или несчастными.

„Но какая тебѣ изъ этого польза — сказала сей Богъ — когда ты будешь невидимо чувствовать ихъ несчастіе, и не будешь въ состояніи помочь имъ ни какимъ видимымъ образомъ; ибо послѣднее запрещаешь тебѣ неизмѣнное изрѣченіе Судьбы.“

Юпитерь тихо коснулся ея; она исчезла, и сдѣлалась невидимымъ, повсюду распространяющимся эхомъ. Гдѣ слышенъ голосъ ея дышащи, тамъ оживаетъ сердце матери: она говоритъ изъ каждаго творенія, въ каждомъ дружественномъ существѣ пробуждаетъ она тонъ печали и радости, подобно какъ въ гармонической струнѣ. Она проникаетъ твердую скалу и оживляетъ безмолвный лѣсъ. Сколько разъ, о нѣжная мать, робкая обихательница уединенія и молчаливыхъ рожей, ты одушев-

ляла меня болѣе, нежели шумъ въ пустынномъ кругу нѣмыхъ человѣческихъ сердецъ! Съ нѣжнымъ участіемъ возвращаешь ты мнѣ мой вздохъ; какъ бы я ни былъ оставленъ и непонятенъ, — но я чувствую въ каждомъ прерывистомъ твоёмъ тонѣ, что всепроникающая и все-соединяющая мать меня узнаётъ, меня слушаетъ.

Н. Лезицкій.

Р о з а .

(Изъ Гердера.)

„Всѣ цвѣты вокругъ меня вянутъ и умираютъ; но меня только одну всегда называютъ увядающею, скоропреходящею розою. Неблагодарные люди! развѣ мало еще мое краткое бытіе доставляетъ вамъ удовольствій? Даже и послѣ смерти моей я не менѣе вамъ полезна; я служу для васъ исцѣленіемъ и укрѣпленіемъ. А между тѣмъ я слышу, что вы всегда поете и говорите: Ахъ, увядающая, скоропреходящая роза!“

Такъ жаловалась царица цвѣтовъ съ своего прона, можетъ быть, уже при первомъ ощущеніи своей увядающей красоты. Стоявшая предъ нею дѣвушка слышала ее и сказала: „не сердись на насъ, милая малютка; не называй неблагодарностію того, что есть высочайшая любовь и самое нѣжное участіе. Мы видимъ, что всѣ цвѣты вокругъ насъ увядаютъ, и почитаемъ это участію цвѣтовъ; но тебѣ, ихъ Царица, тебѣ желаемъ мы безсмертія, почитая тебя его достойною. И когда мы обманываемся въ

въ своемъ желаніи, то позволю намъ наши жалобы, въ коихъ мы оплакиваемъ самихъ себя. — Прелесть юношества и радость нашей жизни мы сравниваемъ съ побою; и когда онѣ отцвѣтають подобно тебѣ, то мы поемъ и говоримъ: ахъ, увядающая, скоропреходящая роза!“

Н. Левицкій.

*Патріархъ полей при окончаніи
прекраснаго дня.*

(Изъ Рейрака.)

Счастливыи старикъ! я слышу, какъ призываешь ты сіе благодѣтельное свѣтило, — ты, кого жизнь, близкая къ столѣтнюю и такъ чистая, какъ самой ясной ручей, дѣлаешь почтеннымъ для всѣхъ смертныхъ: я слышу, какъ ты призываешь и съ сладостнымъ чувствомъ благословляешь его, когда при окончаніи прекраснаго дня, сопровождаемый нѣжными взглядами внуковъ твоихъ, медленными шагами возвращаешься съ полей опдаленныхъ, съ давняго времени обрабатываемыхъ твоими руками.

Одни, обремененные сокровищами Помоны, съ улыбкою невинности подаютъ тебѣ вкусные плоды; они пальчиками указываютъ гнѣздо птичекъ, въ густомъ кустарникѣ ими найденное, на которое ты, что бы не огорчить ихъ, кажешься, взираешь съ удовольствіемъ. Другіе, обвинившись ручонками около шеи твоей, осыпаютъ тебя сладкими поцѣлуями.

Иные прогоняють предъ тобою безчисленныя стада твои, при шумѣ и блянѣи по скату зеленого холма низходящія.

Тѣ взоромъ перешипывають молодыхъ барашковъ и радуются, что ни одного не потеряли. А тѣ, сидя на лѣнивомъ ослѣ, коего ни чѣмъ не могутъ понудить, что бы ускорилъ медленной его ходъ, играютъ на свирѣляхъ, ими сдѣланныхъ, и поють сельскія пѣсни, плѣняясь отголосками, тысячу разъ эхомъ долинъ повторенными.

Безсмертные боги! такъ награждаете вы простую добродѣтель: блаженные пѣни полей Елисейскихъ не наслаждаются столь совершеннымъ счастьемъ, столь чистыми радостями. О почтенный старикъ! ты видѣлъ уже девяносто жатвъ — и жизнь твоя была непрерывная весна; источникъ благополучія находится въ твоёмъ сердцѣ — и сей источникъ есть награда невинности.

Герой человечества! наконецъ ты приближаешься къ своей хижинкѣ, коея дымъ уже издали примѣчаешь сквозь вѣтви липъ и густыхъ фиговыхъ деревьевъ, частію закрывающихъ оную отъ взоровъ

Тамъ ожидаетъ тебя тихое успокоеніе. Иди возсѣсть посреди своего семейства и раздѣлишь съ нимъ новый хлѣбъ, плоды и молоко, руками чистыми приготовленные; иди возобновить свои силы въ объятіяхъ крошकाго сна и подкрѣпить еію бодрость, кошорой ни хладъ возраста, ни желѣзная рука тягостной старости не могли ослабить. Уже вѣжди твои смыкаются, руки слабѣютъ, голова наклоняется, нечувствительно тяжелеетъ; и ты засыпаешь сладкимъ сномъ, пока восходящее свѣтило дня не воззоветъ тебя къ новымъ трудамъ.

Какія желанія, какія мольбы можешь ты еще питать въ груди своей? Поля твои злапыми класами покрыты, виноградники увѣнчаны молодыми опрысками лозъ и румянымъ гроздіемъ, деревья обременены благовонными плодами, спада твои безчисленны и плодородны; смѣющаяся зелень твоихъ луговъ, чистые источники, ихъ орошающіе и никогда неизсякающіе, — все благопріятствуетъ, все предупреждаетъ твои желанія. Ты внимаешь журчанію сего ручья, — видишь, какъ на лазурѣ прозрачныхъ волнъ его

отражается блескъ свѣтилъ, возрожденныхъ и умноженнымъ на струящейся поверхности водъ его; слышишь пѣнїе соловьевъ, которые такъ нѣжно, такъ сладостно выражаютъ невинную любовь свою, и шорохъ тихо вѣющихъ зефировъ между вѣтвями древняго дуба, небрежно колеблющихся оныя.

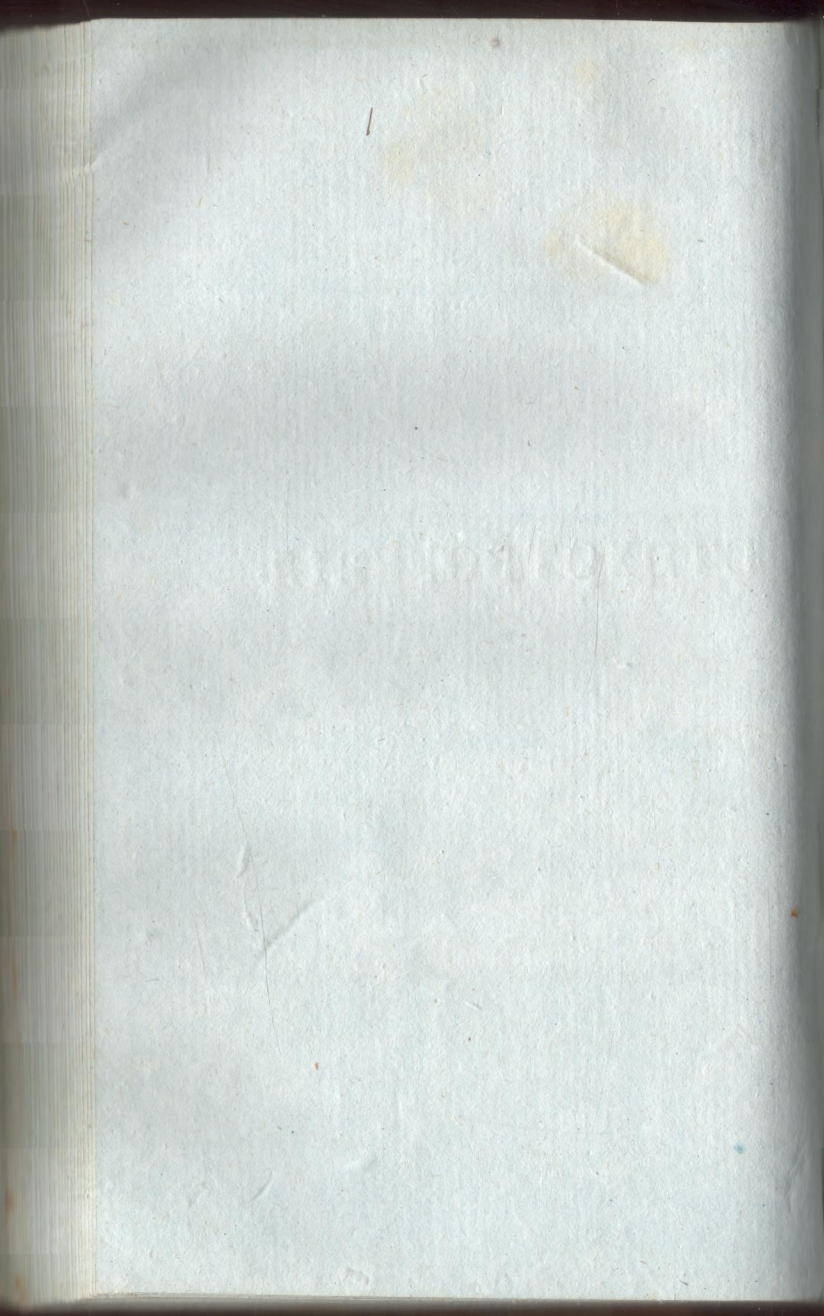
Видитъ нещетное множество звѣздъ, ии однимъ облачкомъ непомраченныхъ, — луну, въ серебряной колесницѣ своей тихо воспекающую на небо чистое и блестящее; видишь, какъ приятная роса орошаетъ сїи низкіе кустарники и трепещущія ивы; какъ она убѣляетъ сїи обширные луга; какими живѣйшими цвѣтами блистаетъ она, упавая на дернъ и цвѣты, коими убраны поляны сїи, и какъ рассыпаетъ блестящія перла на розу, шминъ, маіоранъ и амарантъ.

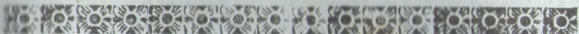
Видишь Фавновъ, оставляющихъ грошты свои, — Салпировъ, выходящихъ изъ дупла сихъ древнихъ клёновъ, вокругъ которыхъ вьется поднимающийся плющъ; видишь, съ какою легкостью робкія Дрїады пробѣгаютъ сїи густые лѣса, во глубинѣ коихъ онѣ скрываются, желая между

тѣмъ бытъ примѣченными; какъ онѣ, взявъ-
шись за руки, рѣзались на дернѣ, едва
преклоняющемся отъ ихъ легкаго при-
косновенія, и при звукѣ флейты пляшутъ
подъ стѣнистыми тополями, далеко тѣнь
свою отбрасывающими. Счастливыи смер-
тныи! все тебѣ обѣщаетъ завтрашній
день, какого ты желалъ; сами Боги
съ удовольствіемъ исполняютъ твои хо-
тѣнія. Уже разсвѣтъ бѣлѣетъ, горизонтъ
воспламеняется и солнце восходитъ бли-
стательнѣе, нежели когда-либо.

А. Складовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г и л н ъ

Весеннему Солнцу.

(Подражаніе Рейраку.)

Суровая зима, въ край удалась пол-
ночной,
Возсѣла среди глыбъ снѣговъ на льдистый
тронъ;
Мятели, вьюги, вѣтръ — вокругъ Цари-
цы мощной!
Не долетаетъ къ намъ ихъ страшный
свистъ и стонъ.
Сѣдя облака небесъ не застилаютъ;
И не бѣлѣетъ снѣгъ въ долинахъ, на по-
ляхъ;
Оковы льдистые водъ быстрыхъ не сѣ-
сняютъ:
Свободно льется токъ въ зеленыхъ бере-
гахъ.
Все возраждается: долъ въ новомъ одѣяньѣ;
Съ муравкою цвѣшки возникли на лугахъ,

Раскрыли чашечки — и пьютъ весны ды-
ханье,
Качаясь — при зарѣ — на нѣжныхъ сше-
белькахъ.

Лѣса унылые опять помолодѣли,
Одѣлись зеленою, сплѣли привѣстну сѣнь;
И пшички пѣтъ любовь туда вновь при-
лѣбли;
И пушника зовешь къ себѣ прохладна
тѣнь.

Тамъ легкой вѣтерокъ прохладной повѣ-
ваетъ,

И тихо шелеститъ листками тополей;
То съ травкой спелется, то юный цвѣтъ
лобзаетъ,

То вдругъ подернетъ зыбь серебристой
чешуей.

И пчелы по лугамъ жужжащими роями
Вокругъ кустарниковъ толпящая моло-
дыхъ,

Иль пышныхъ, алыхъ розъ сокрывшись
межъ листками,

Душистой, сладкой медъ, прильнувъ, со-
суть изъ нихъ.

Отъ стада безчисленныхъ — шумящихъ
надъ потокомъ,

На тучной пажити — ожившій спонетъ
долъ ;

Тамъ скачетъ, пышетъ, ржетъ на полѣ
конь широкому ;

Здѣсь медленной стопой лѣнливой бро-
дитъ волю.

А шамъ — вдали козель, брадатый стадо
вожатой,

Сгрызая съ деревь кору и съ вѣточекъ ли-
стки,

Взбирается на верхъ крутой скалы, мох-
натой,

Увидѣвъ юные шиповника цвѣтки.

Здѣсь пѣсни пастухи веселы напѣвая,

Сухія вѣтви жгутъ надъ свѣтлою рѣкой ;

Трескучій огонь блеститъ въ струяхъ ея,
пылая, —

И по лугу, клубясь, ложится дымъ сѣдой...

О солнце, жизнь весны! одно твое
явление, —

Твой лучъ природу всю отъ смерти воз-
будилъ ;

Онъ насъ очаровалъ — и жизни наслаж-
деніе,

Воспламенивъ собой въ насъ чувства, въ
душу влилъ.

Исчезните предъ нимъ, угрюмы тѣни,
смутны;
Туманъ, окинувшій и лугъ, и холмъ, и
лѣсъ;
Водъ испаренія, правой заросшихъ, муш-
ныхъ!
Да озаритъ весь мѣръ сей пламенникъ не-
бесъ!
Не застилайте намъ видъ издали чуде-
сный,
Грядями облаковъ вѣчныхъ, грозныхъ
горъ,
На раменахъ своихъ держащихъ сводъ не-
бесный!
Пусть наслаждается нашъ удивленный
взоръ
Величественнаго чела ихъ созерцаньемъ:
Какъ солнце, въ зеркала ихъ льдистыхъ
глядясь,
Блещаетъ радужнымъ, прекраснѣйшимъ
сѣяньемъ!
Какъ быстро лучь его мелькаетъ, отразясь,
На юной зелени цвѣтущей долины,
На чистомъ хрусталѣ журчаща ручейка!
Неподражаемы изящества картины!
Не смертный создалъ васъ, — Превѣчна-
го рука! . .

О солнце! Царь планетъ, свѣтило
всей вселенны!

Ты — мраки разогнавъ, чтобъ царствовать
надъ днемъ —

Встаешь изъ бездны волнъ, какъ снопы
воспламененный,

Гдѣ каждый класъ горитъ прекраснѣй-
шимъ огнемъ. . .

Едва блеснулъ твой лучъ — и моря зыб-
ки волны

Покрылись пламени прозрачною струей;
И тихи небеса зажглись, веселья полны;
И холмы алою одѣлись пеленой!

Раздравъ покровъ ночной, подъ коимъ въ
снѣ глубокомъ,

Погружена во мракъ, лежала вся земля,
Онъ возбудилъ ее — и восхищеннымъ о-
комъ

Она съ улыбкою взираетъ на тебя. . .

Исполнена любви, счастливая тобою,

Увѣнчана вѣнкомъ цвѣтчиковъ молодыхъ,

Одѣяна весны всей прелестью, красою —

Трепещетъ въ пламенныхъ объятіяхъ
твоихъ! . .

Ты въ изобиліи во грудь ея влюбленну

Льешь ароматъ цвѣшовъ и семена плодовъ;

Твой животворный огонь, проникнувъ со-
кровенну
Всю внутренность ея, изъ праха — всѣхъ
цвѣтовъ
Каменья, и серебро, и золото составляетъ,
И изъ воды творить прелестнѣйшій для
глазъ —

Который насъ игрой чудесной изумляетъ —
Въ коронахъ у Царей блистающій ал-
мазь! . . .

Огонь жизнедательный, въ дарахъ не-
испошимый!

Ты все одушевилъ: все дышетъ, все жи-
ветъ —

Горь на хребтахъ, небесъ въ поляхъ не-
обозримыхъ,
Во глубинѣ лѣсовъ, на днѣ бездѣрныхъ
водъ; —

Твой раскрываетъ лучъ зародыши растѣ-
ній,

И въ смерти видимой хранишь ихъ бытiе,
Переливая жизнь изъ тѣла въ тѣла
творений;

Во всемъ впечатлѣно могущество твое!..
Привѣтствую тебя, прекрасное свѣ-
тило!

Благословляю швой блистательный воз-
вращь!

Ты сердце хладное во мнѣ воспламенило;
Въ немъ чувства всѣ огнемъ желанія го-
рящъ:

Не угасай во вѣкъ! пусть пламень швой
лѣется

Струями тихими и все собой живишь;
Духъ разрушенія тебя да не коснется! .
Но гдѣ — могущее перемѣнитъ швой
видъ? . . .

Все измѣняется: годъ, мѣсяцъ, день, мгно-
венье

Съ собою въ дольний мѣръ иль жизнь, иль
смерть несущъ;

Ты первенцевъ земли взираю на рожденье—
Днесъ озаряешь насъ: швой не померк-
нулъ свѣтъ! . .

Ты, какъ шворенья всѣ, съ лѣтами не
старѣешь;

Оживши вѣкъ, какъ мы — не падаешь во
прахъ;

Но, мнишься, съ каждою весною молодѣешь,
И съ каждой льешь зарей блескъ новый
въ небесахъ.

Ты зрѣло столько разъ природы обнов-
ление,

Премѣны дивныя по всею лицу земли, —
И кущей въ города, въ чертоги превра-
щенье,

Блескъ проновъ, крѣпость царствъ — о-
статки ихъ въ пыли! . .

Народы — какъ ручьи, въ началѣ непри-
мѣтны,

Въ потоки бурные слѣясь, стремятся съ
скаль —

Переливались изъ края въ край вселенны,
Опустошая мѣрь за честь, иль за ме-
шаль. . .

И обезсилены, утомлены борьбою —
Какъ рѣки раздѣлясь на многи рукава! —

Исчезли, времени поглощены волною;

И смолкнула объ нихъ шумѣвшая молва!..

Лишь по развалинамъ имперій знамени-
тыхъ,

И по обломкамъ ихъ огромныхъ пира-
мидъ,

Разрушенныхъ, травой и терніемъ покры-
тыхъ,

Въ вечерній тихій часъ твой тусклый
лучъ скользитъ! . .

И тщетно ищешь взоръ сихъ памятни-
ковъ славныхъ,

Тебѣ, какъ божеству, сооруженныхъ въ
честь:

Итъ храмовъ, олтарей твоихъ, жрецовъ
державныхъ!

Гласъ Пивѣй смолкъ: исчезъ обманъ ихъ,
хитрость, ласкъ! . . .

Но ты живешь еще... и славное печенье
Торжественныхъ небесъ свершая въ вы-
сотѣ,

Глядишь на страшное спихій, людей вол-
нение,

Спокойное, лучей въ блистаньи, въ кра-
сотѣ! . . .

Къ твоей прикованно блестящей коле-
сницѣ,

Не можешь время бѣгъ ея остановить,

Ни быстрые часы съ минурами, станицей

Толпящіяся вокругъ, лучей твоихъ зап-
мишь. . .

Но ты, свершивши путь свой, къ за-
паду склонилось;

Твой лучъ холодную волну облобызаль;

Румянымъ блескомъ все пространство
водъ покрылось;

Прибрежный лѣсъ, огнемъ облитый, запы-
лалъ!

О лучезарное ! какъ твой закатъ прекра-
сенъ !

Какія сладкія намъ чувства въ сердце
лещъ !

Прохладенъ воздухъ, чистъ ; и надъ
тобою ясенъ,

Подернутый зарей, небесный тихій сводъ.

Тамъ пурпуръ и лазурь, серебро и чисто
злато —

Прелестнѣйшей для глазъ чертой отпѣ-
нены !

Для юныя зари какой уборъ богатой !

Съ какимъ искусствомъ все цвѣшъ соеди-
нены !

Но ты ужъ скрылося — и горизонтъ тем-
нѣетъ ;

И въ новой свѣтъ лучи скользнули за
тобой !

Чуть сквозь прозрачну мглу вдали закатъ
алѣетъ ,

Играя мѣсяца серебряной дугой. . .

Прости прелестное !.. Въ минуту вос-
хождения

Завтра, можетъ быть, опять узрю тебя,
Живѣйшее Творца міровъ изображеніе !

О, какъ расстрогана тобой душа моя !

Какія мысли въ ней родились возвышенны,

При взглядѣ на восходъ и тихой западъ
твой!

Въ ней пламень разлился таинственный,
священный;

И окрыленная, сложивъ покровъ земной,
Она къ источнику швореній возлетаетъ;
Свое небесное начало ясно зреть;

Въ ней чувство Божества всѣ силы рас-
крываешь —

И изумленная: я не ничто — гласишь!...

Такъ, образъ Бога я — я сынъ Его лю-
бимый,

Царь міра дольнаго — мнѣ все покорено...

Омъ тварей отличилъ меня Непоспи-
жимый:

Всѣ смертны — мнѣ въ удѣлъ безсмер-
тіе дано!...

Ал. Склабовскій.

Гимнъ Богинѣ юности.

(Съ Французскаго.)

Жрецъ.

Придите, Римляне молодые,
Съ чувствительной душой, обѣты при-
нести
Богинѣ первыхъ лѣтъ! Ея дары благіе
Готовы всѣ для васъ. Вотъ образъ красоты—
Богини вѣчноюной!
Спѣшите съ жертвами къ священнымъ
олтарямъ!
Ея одинъ лишь взглядъ доставить мо-
жетъ вамъ
Все счастье подлунно.

Одинъ изъ юношей.

О всемогущая богиня юныхъ дней!
Воззри, какъ мы съ слезами,
Простерты у твоихъ священныхъ олтарей,
Тебѣ приносимъ даръ; будь въ жизни вѣч-
но съ нами!
О, обрати на насъ свой благосклонной
взглядъ!

Другой.

Какъ малые тебѣ обѣты посвящаю!

Прости: твои дары я расточаю, —
Но жду еще награды! . .

Хоръ.

О всемогущая богиня юныхъ дней! и проч.

Одинъ.

Прими усердное моленье;
Веселіе на насъ пролей!

Другой.

Прими обѣщанье приношенье,
И дай въ мятежной жизни сей,
За вѣру въ награжденье,
Спокойны дни!

Вмѣстѣ.

Да будутъ радости однѣ,
Спокойство, счастье вѣчно съ нами!

Одинъ.

За красоту цвѣтовъ, которыми рука
Вѣнчаетъ твой олтарь, укрась меня цвѣ-
тами
Веселыхъ, юныхъ дней; пусть младость,
какъ рѣка
По бархатнымъ лугамъ въ игривости ка-
тишься!

Другой.

За еимѣамъ, которой предъ тобой,
Съ благоговѣніемъ возженный мной, куришься,

Пускай во кругъ меня приятностью, красой
Все дышетъ, все цвѣшетъ — и все меня
плѣняетъ!

Одинъ.

Пусть въ сихъ мѣстахъ, гдѣ мы дни мир-
ные ведемъ,

Всегдашняя весна коверъ свой разсти-
лаетъ,

И пики вѣтерки въ дыханіи своемъ

Ласкають рощицы тѣнисты;

Пускай съ утесовъ горъ, въ зеленыхъ бе-
регахъ

Каплятся ручейки сребристы;

Пусть въ рощѣ пшичекъ гласъ, звукъ ро-
га на лугахъ

Вездѣ разносится — и радостные дни
Одинъ другому въ слѣдъ стремятся!

Другой.

Ужасны бури разгони!

Одинъ.

Малѣйши облака, которымибъ прерваться

Мое спокойствіе могло, какъ дымъ, разсѣй!

Вмѣстѣ.

Чтобъ удовольствія до гроба мы вку-
шали,

Часъ жизни былъ одинъ другаго веселій,

И дни спокойствія украдкой улетали,
И мрачная тоская бѣжала бы отъ насъ.

Другой.

Чтобъ скорби никогда коснуться насъ
не смѣли,

Слеза несчастія не омочала глазъ;

Но больше, чтобъ умѣли

Ниспосланные намъ дары употреблять

Для благо своего, для счастья другаго, —

Умѣлибъ мирно жить, несчастнымъ помо-
гать

И добродѣтель чпшишь, какъ верхъ всего
земнаго! . . .

Николай Петровскій.

П ѣ в е ц ъ.

(А... В... Склабовскому.)

Невинное дитя фантазіи игривой —
Пѣвецъ родился мой въ твоихъ, о другъ!
опахъ:
На тихой дружбы гласъ, гласъ сполько
сердцу милой,
Онъ нечувствительно въ сихъ возрас-
талъ стихахъ....
Ты былъ мнѣ музою; тобою вдохно-
венный —
Какъ свѣтлую звѣзду имѣя предъ собой —
Я къ цѣли тихо шель. . . и трудъ, ще-
перь свершенный,
Тебѣ, другъ, подношу. . . . Обласканный
побой,
Пусть будетъ сей Пѣвецъ наградой за
услугу! . . .
Что нужды: счастливыхъ дождется ли
онъ дней,
Иль съ будущей умретъ вечернею за-
рей —
Доволенъ я, когда понравился онъ другу.

* * *

*

Все тихо — и заря струею золотою
По небу разлилась; и мѣсяць молодой,
Подернуть сумракомъ, какъ тонкой пе-
леною,
Проглянувъ, заигралъ на шверди голубой.

*

О сладкой нѣги часъ!.. весь мѣръ въ
очарованье!
Все, свѣтлымъ сумракомъ одѣто, тихо
спитъ;
И гаснущей зари, и мѣсяца сѣянье
Дубровы сонныя и воды золотишь.

*

И на берегу ручья, подъ наклоненной
ивой,
Я вижу: съ лирою пѣвецъ сидитъ молодой,
Исполненный тоски, задумчивъ — и уныло
Вперивъ на воды взоръ, злащима зарей—

*

Поешь: „О краснѣй мѣръ! вопще оча-
рованья
Ищу уже въ тебѣ съ увядшею душой;
Одно унылое въ душѣ воспоминанье
О счастѣй первыхъ лѣтъ осталось со мной!..

*

Я друга здѣсь имѣлъ; но тихій
мракъ могилы

*2

Сокрылъ его навѣкъ, во цвѣтѣ юныхъ
лѣтъ;

Я былъ любимъ; но чтожь? какъ мигъ
одинъ счастливый,
Мой вѣкъ любви отцвѣлъ — и милой болѣ
нѣтъ! . .

*

Разсѣялись мечты, летавшія толпою;
Прелестный жизни сонъ навѣки улѣтъ;
И мѣръ, столь нѣкогда веселый, предо мною
Теперь въ уныніи печальномъ запустѣлъ.

*

Гдѣ ты горѣвшее вдали предъ мной
свѣтило?
Гдѣ ты веселіе, подруга первыхъ лѣтъ,
Какъ мотылекъ весны прелестной, легко-
крылой,
Летавшее вокругъ? Теперь уже васъ
нѣтъ! . .

*

Лишь ты, о даръ небесъ — задумчи-
вая лира,
Улада жизни сей, оспалася сомной;
Лишь ты еще одна мнѣ здѣсь не измѣнила
И опустѣвшій мѣръ живостворишь собой.

*

О! будь же мнѣ всегда подругой не-
измѣнной,
И жребій мой твоимъ бряцаньемъ улади;
И вѣкъ минувшаго, для сердца столь
безцѣнной,
Съ протекшимъ счастіемъ предъ мною
оживи!

*

Тогда и спутники дней юности сча-
сливой
На твой знакомой гласъ опять слепящъ
ко мнѣ;
Опять съ толпой своей безпечной и игри-
вой,
Веселье оживесть минувшее въ душѣ.

*

И буду пѣть съ тобой потъ край оча-
рованья,
Гдѣ въ нѣгѣ расцвѣла краса моей весны;
Гдѣ первыя въ душѣ проснулись желанья—
Съ надеждой первыя о счастіи мечты.

*

Гдѣ все минувшею мнѣ жизнью вѣ-
щаетъ;
Гдѣ прелесть юности — какъ бы ожив-
лена —

Въ воспоминаніи предъ мною воскресаешь,
Какъ призракъ сладостный прелестнѣй-
шаго сна.

*

Я буду пѣть тебя, источникъ вдох-
новенья,
Природа, дивный тронъ великаго Творца,—
Гдѣ все—предметъ хвалы, восторговъ, вос-
хищенья;
Все дышетъ благостью и славой Божества.

*

Я буду пѣть восходъ дня юнаго, зла-
таго,
И тихій блескъ зари, на сумракѣ лѣсовъ,
И прелестъ вечера, и мѣсяца младаго
Волшебную игру сквозь завѣсъ облаковъ.

*

Я буду пѣть златой вѣкъ юныя все-
ленны,
Стада, шумящія на зелени луговъ,
Блескъ ручейка и сѣнь дубравъ, гдѣ въ
восхищеньи
Внимаешь шороху препещущихъ листковъ.

*

Я буду пѣть тебя, душа очарованья,
Посланница небесъ, прелесная мечта —

Подруга юности, съ которой воспоминанья
Ирой крылашыхъ сновъ летаютъ завсегда.

*

Еще и въ утрѣ дней, тобою вдохно-
венный,
Я пѣль — и счастливъ былъ. Но гдѣ пре-
лестный сонъ?
Ужель утратился въ душѣ сей даръ без-
цѣнный,
И юной жизни цвѣтъ навѣки умерщвлёнъ?

*

О нѣтъ! грядущее надеждой озаряя,
Мечта прелестная, летай всегда предъ
мною!
Тернистой жизни путь цвѣтами усыпая,
Будь вѣрной мнѣ по гробъ! — и смолкъ
пѣвецъ молодой. —

*

Ужъ скрылся мѣсяцъ; спухъ закашъ — и все
въ молчаньѣ. . .
Густая мгла и сонъ на холмахъ, на лугахъ;
Лишь изрѣдка волны чуть слышно въ
брегъ плесканье,
Иль шорохъ вѣтерка, уснувшего въ ку-
стахъ....

Иванъ Золотаревъ.

КЪ Д. Л. III — ву.

• • • • •
Я зрѣлъ, какъ солнце восходило, —
Какъ сквозь прозрачнѣйшій покровъ
Туманный тускло золошило
Верхи деревъ, чело холмовъ
И спрыснуты росой долины; —
Прекрасныя для глазъ каршины!
Въ зеленыхъ рамахъ какъ стекло,
Въ берегахъ сверкали тихи воды;
На днѣ синѣли неба своды.
Ужъ солнце полдень прошекло.

Все было вокругъ спокойно, ясно.
И встрѣпить вечеръ я мечталъ,
Какъ утро, какъ весь день, прекрасной.
Но чтоже? вечеръ лишь насталь —
На небѣ тучи появились,
Слетѣлись, надъ холмомъ сгустились,
Покрыли мракомъ солнца ликъ. . .
Съ волненіемъ на западъ мгlistой
Я взоръ склонялъ... Вдругъ лучъ огнистой
Засѣсу мрачную проникъ!

Я зрѣлъ, какъ небеса горѣли;
Величественный, дивный видъ!

Тамъ облака, волнуясь, рдѣли;
Какъ златопрядный круглый щитъ,
Изъ-за багровой солнце тучи
На холмъ скапилось. . . Лѣсъ дремучій,
Облитый заревою, вспылалъ;
Повѣявъ вѣшрь — и предъ собою
Горящи облака толпою
За горизонтъ съ небесъ погналъ. . .

О сколь плѣнительнъ явился
Мнѣ послѣ мрака вечеръ сей!
Какъ тихо блескъ румяный лился
Съ небесъ на доль, и сквозь вѣшвей
Склоненныхъ древъ, водъ на зеркало! . .
Казалось, въ первой разъ блистало
Все вокругъ такою красотою. . .
„Такъ—углубившись въ размышленье,
Я мыслилъ — совершалъ печенье
Въ семь мѣръ добрый геній мой.

Такъ улыбалось прекрасно
Предъ нимъ златое утро дней!
Въ немъ сердце было чисто, ясно,
Какъ межъ цвѣтовъ въ лугу ручей.
Достигши юности крылатой,
Онъ полетѣлъ — предъ нимъ вожакой —

Надежда съ факеломъ злымъ —
Въ слѣдъ за прелестными мечтами. . .
Ушавшись счастію цвѣтами,
Онъ съ полднемъ встрѣтился своимъ.

Коль дни туманные бывали —
И что ихъ въ жизни не видалъ? —
Они цвѣтъ счастья опшѣняли,
И онъ прекраснѣе блисталъ!
Прошекъ и полдень въ наслажденьѣ. . .
И мнили: вечера явленье
Насъ новымъ блескомъ озарить;
Кто чистъ душой, съ собой согласенъ,
Того закалъ всегда прекрасенъ, —
Онъ нову радость намъ сулитъ. . .

Слѣпцы! нашъ взоръ не примѣчаетъ
Что тучи облегли кругомъ. . .
Фортуна рѣдко украшаетъ
Сѣдины розовымъ вѣнкомъ;
Она лишь съ юностью дружится;
Преклонныхъ лѣтъ, какъ бы спрашится —
Измѣнница! — бѣжитъ отъ нихъ! . . .
Напрасно въ слѣдъ ей поспѣшаютъ, —
Летящъ, — но тѣнь лишь обнимаютъ!..
Такъ, ломко зданье благъ земныхъ!

Намъ упоенье ихъ — ошрава! . .
Но что я говорю? . . А честь,
А имя доброе, а слава —
Когда коварство, зависть, лесть
Противу ихъ вооружашся,
Затмишь, похитишь усремятся,
И насъ безславіемъ покрыть? —
Ужасна благъ такихъ утрата!
Лишенья ихъ ни горы злаша,
Ни царской тронъ не замѣнишь. . . ?

Но пусть спрашится развращенный
Невозвратимой праты сей!
А ты, эгидой остиенный
Одной невинностью своей,
Спокойся другъ - благодетель!
Твой Ангель надъ тобой хранишь;
Ты невредимъ. . . и клевета,
Съ змѣинымъ жаломъ ядовитымъ,
Падешь въ ровъ, ею же изрытый. . .
Твое спасенье — правота!

И скоро лучъ ея проглянеть;
И скоро, вспыхнувъ надъ главой
Враговъ, перунъ отмщенья грянетъ! . . .
И съ обновленной красотою —

Какъ лучъ денницы на закатѣ,
Горящій въ пурпурѣ и златѣ —
Твоя невинность возблещитъ ;
Заслугамъ будетъ награжденъе;
И мы воскликнемъ въ умиленъѣ:
Богъ мститель злымъ,—невиннымъ щитъ!

А. Складовскій

Посланіе

Къ Н. М. Свѣтлову.

Разлуки неизбѣженъ часъ;
Прости, другъ незабвенный!
Тебя зовешь на службу гласъ
Отечества священный:
Мы всѣ равно сыны его;
Нашъ долгъ—повиноваться.
О другъ! какъ сладко для него
И съ жизнію разстаться!..
Кто матеръ надъ своею зрѣлъ
Покойной колыбелью;
Кто дѣтство тихое провелъ
Подъ опческою сѣнью;
Кто нѣжныхъ, юношескихъ лѣтъ
Приятныя мечтанья,
И просвѣщенья тихій свѣтъ,
Надежды и желанья,
И все—чѣмъ нашихъ дней весна,
Какъ юными цвѣтами,
Для насъ бываетъ убрана —
Все раздѣлялъ съ друзьями
Въ предѣлахъ родины святой:
Тотъ можешь ли прельститься
Надеждой ложныхъ благъ пустой;
Въ край чуждый удалишься;

Забыть родителей, друзей,
Родныхъ небесъ сіянье,
Прелестный видъ луговъ, полей,
Цѣшовъ благоуханье,
И блескъ журчащихъ ручейковъ,
Зефирами спруимыхъ,
И зелень яркую холмовъ,
Денницею злашимыхъ?..
О нѣтъ! дары спраны родной
Ему всего милѣе;
Онъ къ нимъ привязанъ всей душой!
Какая страсть сильнѣе
Чистѣйшей къ родинѣ любви?
Въ чьихъ взорахъ нѣтъ блистанья,
Огня палящаго въ крови
И въ сердцѣ трепетанья
При сладкомъ имени ея?..
О какъ въ сіе мгновенье
Волнуется душа моя!..
Всесильное стремленье —
Всю жизнь отчизнѣ посвящать —
Меня, другъ, увлекаетъ;
Желаніе — полезнымъ быть —
Мой духъ возпламеняетъ!
Счастливецъ, ты достигнуть могъ
Сей благородной мѣты!
Детижъ, куда зовешь швой долгъ. . .

Но, милой другъ! обѣщай,
Произнесенные побой: —
Неизмѣнять свободѣ,
Пишай огонь дружества святой,
Послушнымъ быть природѣ, —
Какъ счастья залогъ, храни;
Разставшись съ друзьями,
Себѣ и имъ не измѣни;
Съ мѣрскими суедами —
Стихией праздныхъ — не дружись;
Наружнымъ не прельщайся:
Подъ нимъ скрываетъ часто ядъ; Лаисъ
Коварныхъ удаляйся;
Спрашисъ ихъ позлащенныхъ узъ! . .
Все это ослабляетъ
Въ насъ силу чувства, портитъ вкусъ
И душу убиваетъ. . . .

Такъ! море бурное—сей свѣтъ:
Тамъ страсти всѣ въ волненіи;
Тамъ счастья не было и нѣтъ;
Оно въ уединеніи. . .
Какъ сладко, другъ, заботъ всѣхъ грузъ
Съ плечъ сбросивъ,—въ часъ свободы
Летѣть съ дарами чистыхъ Музъ
Въ объятія природы!
Здѣсь наше счастье живетъ;

Здѣсь все нашъ духъ плѣняетъ;
Все къ наслажденію зоветъ;
Все нѣжитъ, восхищаетъ!
Въ часъ утра юнаго, мой другъ,
Снѣжи на холмъ высокій —
И ясный взоръ бросай во кругъ;
Смотри: востокъ далёкій
Блѣдетъ, — и предвѣстникъ дня
Прелестная зарница
Горитъ, алмазами блестя;
Туманъ на доль ложится.
Минуша — и востокъ свѣтлѣй,
И небо все яснѣе,
И звѣздъ дрожащій свѣтъ блѣднѣй,
Въ лугу туманъ густѣе!
О чудо! огненный пошокъ
Съ шончайшимъ златомъ слился;
Румянымъ блескомъ весь востокъ,
Какъ пламенемъ, покрылся!
И все вспылало предъ тобой:
Лѣсъ, горъ вершины, холмы!
И вѣтромъ облачка толпой
Черезъ зарево несомы,
Обвороженнымъ взорамъ видъ
Горящихъ волнъ являютъ;
Но вѣтеръ далѣ лепитъ —
И облачка слетаютъ!

Фебъ кашится злашымъ щитомъ
Изъ пламени востока;
Туманы зыбкіе холмомъ
Поднялись съ водъ потока;
Злаш-чешуйчатый ручей,
Віясъ, въ лугу сверкаетъ;
Перловая роса съ вѣшвей
Древесныхъ упадаетъ,
Блещя, на травку, на цвѣты.
Все зрится оживленнымъ;
Во всемъ встрѣчаетъ красоты
Твой взоръ обвороженный.
Стада, по зелени луговъ
Опъ ближняго селенья
Бредущи; пѣсни пастушковъ —
Гласъ чистаго веселья,
Животворящаго сердца;
Зовъ рога, звукъ свирѣли,
И наполняющихъ лѣса
Пернатыхъ звонки трѣли;
И надъ селеньемъ дымъ густой,
Какъ облака лепучи,
И благовѣсть въ дали глухой,
Къ моленію зовущій,
И все, что только взоръ и слухъ
Слегка хоть поражаетъ,

Все твой воспламеняетъ духъ,
Все сладость въ грудь вливаетъ!

Когда же къ западнымъ холмамъ
Фебъ скажится огнистый,
Разсыплешь искры по водамъ
И по скаламъ лѣсистымъ, —
И пламень гаснущій небесъ
Сольется съ синевою;
Восточный осребрится лѣсъ
Всходящею Луною;
И свѣтлый сумракъ по полямъ
Разстелется небеснымъ:
Ты, посвятивши день трудамъ,
Отечеству полезнымъ,
Спѣши хоть часикъ помечтать
Подъ зыбки рощей сѣни; —
Тамъ будутъ надъ тобой лешать
Друзей незримы тѣни.
Среди священной пишины,
При мѣсячномъ мерцаньи,
Въ глухомъ шептаніи волны,
И въ робкомъ струй журчаньи,
И въ шрепешаніи лисковъ
Висящихъ надъ тобою,
И въ вѣяніи вѣтерковъ, —
Расстроганный душою,

Ты сладкой ихъ услышишь гласъ. . .
Грудь трепетомъ священнымъ
Наполнися. . . и ты, въ толь часъ
Мечтою окрыленный,
Какъ бы могучій чародѣй,
Воображенья силой
Перелепишь въ страну друзей —
Въ ихъ кругъ священной, мирной...
О другъ! чѣмъ можно замѣнить
Минушъ сихъ наслажденье?
Съ чѣмъ можно оное сравнить? —
Пусть это заблужденье,
Мечта! . . почтожь и не мечташь,
Когда, борясь съ бѣдами,
Себя намъ можно утѣшать
Прелестными мечтами? . . .

Но часъ насталь... мой другъ, прости!..
Твой спутникъ — Провидѣнье! . .
Будь счастливъ; можешь — посѣти
Друзей въ уединеньѣ.
Подъ сѣнью сладкой пишины
Они живутъ безъ нужды;
Имъ блага скудныя даны —
И тѣ ихъ сердца чужды.
Избытокъ благъ—для сердца ядъ. . .
Посредственность святая,

Свой взоръ на юныхъ Феба чадъ
Съ улыбкой обращая,
Какъ другъ, въ ихъ хижинѣ живешь;
И трудъ ихъ благодатный
Отъ вредной праздности блюдешь;
И чистый, ароматный —
Заботъ забвенье — Вакха даръ,
Хоть изрѣдка, блистаешь
На ихъ столѣ. . . и къ Музамъ жаръ
Въ душахъ возпламеняешь. . .
Какъ возвратишься, другъ, нальемъ
Мы кубокъ въ знакъ свиданья;
Послушну Музу призовемъ —
И въ мѣръ очарованья,
Презрѣвши свѣта суеты,
Влечимъ воображеньемъ. . .
Намъ вмѣсто *благъ* даны *мечты* —
Въ нихъ наше наслаждение!

А. Склабовскій.

КЪ И. Я. Элтрву.

(Ошривокъ.)

Ты хочешь, чтобъ я пѣлъ, другъ милый!

И струнъ веселою игрой
Привѣтствовалъ гдѣ новый пѣвой; —
Что можетъ пѣшь пѣвецъ унылый? . .
Когда печали въ сердцѣ нѣтъ,
Нашъ взоръ не помраченъ тоскою,
Улыбка на устахъ цвѣшетъ
И мѣръ плѣняетъ красою,
Взбои насъ не шатаютъ,
Душа летишь въ слѣдъ за мечтами; —
Тогда на лирѣ струны сами,
Восторга полная, звѣняютъ. . .
Тогда легко — безъ побужденья —
Друзей посланьями даришь:
Ихъ силенъ взоръ воспламенить
И насъ даръ небесный вдохновенья. . .
Когдажъ въ душѣ веселья цвѣтъ,
Тоскою сорванный, увянетъ,
Мѣръ восхищать ее престанетъ; —
Какъ можетъ радость пѣть поэтъ? . .
Онъ къ лирѣ — но слеза на струны. . .
Застонетъ лира — и молчитъ. . .
Увы! и мой цвѣтъ скромный, юный
Будьбы жестокостью убить! . .

Но было время заблужденья —
И я въ незримый міръ лезалъ,
Воздушны замки созидалъ
Чудесной силой воображенья. . .
Тогда и юныя мечты
Съ улыбкой вокругъ меня шѣснились,
На пушь мой сыпали цвѣты. . .
Но вдругъ — измѣнницы! — сокрылись.
Съ веселой, рѣзвой ихъ толпой
И счастье мое умчалось; —
Въ душѣ, расперзанной тоской,
Воспоминанье лишь осталось! . . .

.
И такъ могуль съ попухшимъ взоромъ
Предстать Музъ свѣшлыхъ предъ соборомъ
И съ пасмурнымъ лицомъ просить:
Жаръ въ охладѣвшу грудь мнѣ влить,
Цѣеницы тихой звонъ, унылый
На громкой перестроить лирный? . .
Нѣтъ! Музы — женщины, мой другъ!
Отъ лицъ угрюмыхъ отвращаютъ
Свой ясной взоръ и нѣжной слухъ, —
Ихъ просьбамъ, спонамъ не внимаютъ. . .

Тебѣ — счастливецъ милой мой,
Пѣвецъ, товарищъ нѣги юный —
Онѣ, на лирѣ золотой

Волшебныя повѣсивъ струны —
Любимцу назначають въ даръ. . .
Пишай къ прелестнымъ чувства жаръ;
На случай запасись перивьемъ; —
Что можно безъ труда сыскать?
Не ослабѣй, мой другъ, въ печенѣ! . . .
Вотъ что желалъ тебѣ сказать
Другъ, любящій тебя душою!
.
Еще желаніе одно:
Не вѣсмь власшительной судьбою
Поэтамъ, милой другъ, дано
Искусство — звонки строить струны
И ихъ плѣнительной игрой
Приманивать дары фортуны! . .
Нерѣдко Феговъ сынъ — съ клюкой,
Съ пустой кошомкой за плечами —
Тернистый протекаетъ путь,
Съ надеждой: въ гробъ ошдохнуть. . .
Но чѣмъ онъ здѣсь живетъ? — мечтами! . . .
Ты прелести ихъ испыталъ;
Испилъ отъ чаши наслажденья;
О еслибъ никогда не зналъ,
Сколь горекъ сердцу мигъ лишенья! . .
Но не возможно, милой мой! . .
Хранимъ благой къ тебѣ судьбою,
Не встрѣщидся ты съ нуждой злою;

Но раноль, поздоль — и съ тобой
Разстланушся мечны крылаты, —
И ты узнаешь ихъ упрямь. . .
Заранѣ съ мыслью сей дружись;
И, услаждаясь ихъ цвѣтами,
Заранѣ, мой другъ, учись
Мечны всегда счищать — мечтами!
И ты спокойно можешь вѣкъ
Прожить — средь терній испытанья.
Какъ быстро мигъ очарованья
Для друга твоего пропекъ! . .
.

Взгляни, другъ милый, на Природу:
Какой унылый, мрачный видъ!
По голубому неба своду
Туманъ, какъ мушный шокъ разлитъ.
Колеблемъ бурными вѣтрами,
Волнуется, какъ дымъ сѣдой,
Надъ обнаженными холмами;
Поля, луга — покрыты мглой;
Уныли рощи запустѣлы;
На хладну землю пожелѣлы
Съ вершинъ ихъ сыплются листья; —
Всѣхъ прелестей, всей красоты
Лишась, природа унываетъ: —
Такъ лютая шоска снѣдаетъ

Убитый горестью мой духъ! . .
И щемяно взоръ поухшій вокругъ
Съ мольбой, желаньемъ устремляю,
Въ даль тайну руки простираю —
Тамъ мракъ, унылость, пуста. . .
О! гдѣ ты, Геній мой хранитель —
Надежды свѣтлая звѣзда,
Доселѣ мой путевождитель? . .
Ужели болѣе меня,
Твой не освѣтитъ блескъ прекрасной?
Ахъ, какъ для странника ужасно
Итти въ пучъ жизни безъ тебя! . .
Явись, молю, звѣзда златая!
Дай зрѣть спрадальцу слабый лучъ! . .
Не внемлешь... скрылась въ мракъ тучъ..
И шьма вокругъ меня густая! . . .

А. Склабовскій.

П о с л а н і е

Къ Н. М. Свѣтлову.

О ты, благою мнѣ судьбой
Дарованный, другъ незабвенный,
Въ премѣнахъ счастья неизмѣнный —
Другъ, съ коимъ я разцѣль душой,
Все доброе любишь учился —
Любить Природу и Творца, —
Съ кѣмъ горемъ, радостью дѣлился!
Услышь знакомые пѣвца,
Тобою оживленны звуки! . .
Ты сердца неизцѣльны муки
Надежды словомъ уладилъ;
И мой смиренный Геній юной,
Забывшій вѣтренной фортуной,
Неопытны крылѣ развилъ,
Исполнясь дружбы вдохновеньемъ...
И, очарованный мечтой,
Въ прошедшее воображеньемъ
Переселяюсь я съ тобой. . . .
Гдѣ время прежнихъ дней блаженно?
Оно, другъ милый, протекло
И все съ собою унесло,
Что было сердцу драгоцѣнно. . .
Упраченъ юный счастья цвѣтъ!!

Минувшему возврата нѣтъ!
Но даръ благой воспоминанья
Еще животворитъ для насъ
Часы блаженства и спраданья. . .

Когда во цвѣтѣхъ лѣтъ угасъ
Нашъ Ф. . . другъ любимой,
По чувству сердца намъ родной,
Такъ неожиданно судьбой
Изторгнутый не умолимой
Изъ круга мирнаго друзей. . .
И я остался одинокой,
Въ уныніи, въ тоскѣ глубокой,
Среди безвѣстныхъ мнѣ людей,
Болѣзнью на одрѣ томимой. . .
И мѣръ явился предо мной —
Съ всею прежней красотой —
Пустынею необозримой. . .
Уже всему конца я ждалъ,
Средь жизни съ смертію боренья. . .
О! кто тебя ко мнѣ послалъ —
Къ спрадальцу — съ чашею цѣленья,
Единственный другъ нѣжный мой?
Едва душѣ твоей гласъ коснулся —
Вдругъ жизни Геній вострепунулся,
Повѣялъ тихо предо мной. . .
И грозный Ангелъ истребленья,

Надъ слабой жервой пораженья
Не совершивши, улетѣлъ . .
И другъ твой, какъ цѣшокъ весною,
Твоей любви хранимъ рукою,
Для жизни сладкой вновь разцвѣлъ!

Забуду ли часы безцѣнные
Весеннихъ тихихъ вечеровъ —
Когда съ небесъ воспламененныхъ
Къ вершинамъ западныхъ холмовъ
Кашилось знойное свѣшило,
И вѣшви свѣшлыхъ пополей,
И лоно зеркальныхъ зыбей,
И лугъ и поле золотило? —
Мы, очарованны зарей,
На холмъ бархатномъ зелѣномъ,
Сѣнстой ивы подъ наклономъ,
Мечтаемъ сладостно съ шобой:
То въ мѣръ Фаншазіи крылатой
Летимъ, покинувъ бранный свѣтъ —
Вреди — нашъ опытный вожакой,
Богини вѣрный другъ, поэтъ
Жуковский вѣжнѣй, несравненный.
Его мы Музой вдохновлены,
Терялись въ *дневныхъ чудесахъ*,
О коихъ онъ друзьямъ вѣщаетъ
Въ неподражаемыхъ стихахъ;

И всѣхъ невольно увлекаетъ
Съ собой, какъ мощный чародѣй
Плѣнительной игрой своей.
Сердца въ насъ тихо трепетали;
И мѣръ существенный въ поть часть
Блесталъ прекраснѣе для насъ:
Мы наслаждались — *мы мечтали!* . . .

То окрестъ свой бросаешь взглядъ,
И зришь: тамъ надъ селеньемъ вьется
Пыль отъ бѣгущихъ съ поля стадъ;
И надъ рѣкою раздается
Вдали унылый рога звукъ.
Здѣсь мѣльница уединенна —
Въ ней слышенъ шумъ и часшой стукъ;
Огнисто-бисерная нѣна
Кипитъ и брызжетъ отъ колесъ. . .
И въ видѣ камней разноцвѣтныхъ,
Зари сіяньемъ озаренныхъ,
Въ низъ сыплется. . . и межъ деревьевъ
Алмазной тянется спруею,
И увлекаетъ за собою
Вдаль очарованный нашъ взоръ. . .
Тамъ птичьей поешь согласный хоръ;
Тамъ плещущая въ струяхъ Наяды;
И молчаливыя Дѣвы,
Склонясь съ береговъ къ зеркалу водъ,

Стоятъ недвижимо, вздыхаютъ
И тайной страстїю пылаютъ. . .
Сплѣтая въ веселый хороводъ,
Въ лугу рѣзнясь Нимфы юны;
И Сапиръ изъ-за пней свдыхъ,
Осклабясь, глядишь на нихъ.
Но вдругъ звѣнять незримы струны, . .
Все въ ожиданїи. . . и вошь. . .
Ко берегу лебедь бѣлоснѣжной
По блестящимъ струямъ плыветъ,
И цвѣтїю цвѣточней — нѣжной
Влечетъ корабликъ за собой:
Въ немъ — на подушкѣ голубой,
Въ прозрачномъ бѣломъ одѣяньѣ —
Богиня сей рѣки сидишь;
Во взорахъ огонь любви горитъ;
И полныхъ персей волнованье
Скрываетъ тайное желанье;
Власы, какъ свѣтлой ручеекъ,
Вокругъ вѣются, ихъ лаская;
И тихо вѣетъ вѣперокъ,
Дыханьемъ жаръ ихъ прохлаждая;
И лира чрезъ плечо виситъ
На лѣнѣ голубой апласной;
И на кормѣ дитя прекрасно
Съ свѣтлою золошой стоитъ.
И лебедемъ повелѣваетъ. . .

Вотъ лебедь къ берегу приплываетъ; —
И хоръ прекрасныхъ, милыхъ Намфъ
Привѣтствуетъ Богиню пѣньемъ;
И мы — на встрѣчу къ ней лепимъ...
Но гдѣ прелестное видѣнье? ...
Ужъ лучъ вечерній догорѣлъ
Надъ усыпленными водами;
И призракъ милый улѣтѣлъ;
Шкоровъ ночной нависъ надъ нами...

И вотъ — съ восточной стороны —
Взошло небесъ ночныхъ свѣтило,
И ликъ въ потокѣ отразило. ...
При свѣтѣ полная луны,
Мы бродимъ тихо по кладбищу —
Тамъ обрѣтаемъ сердцу пищу —
Межъ рядомъ камней и крестовъ,
Между обломками гробовъ,
Заросшихъ мхомъ, густой крапивою.
Тамъ спитъ нашъ незабвенный другъ;
Тамъ прахъ его краснорѣчивой,
Какъ въ правкѣ вѣтерокъ, въ нашъ слухъ.
Приятно шепчетъ изъ могилы:
„Не унывайте, други милы!
Смерть не всего лишила васъ:
Я прахомъ здѣсь, но духомъ съ вами;
Не зрите вы меня очами, —

Но въ тихій полуночный часъ —
Какъ все въ природѣ умолкаетъ;
Сквозь дымный завѣсъ облаковъ,
Луна съ полнеба чуть сіяетъ;
Зѣфиръ на лонѣ спитъ цвѣтовъ;
И вы, обнявшись дружно съ лѣнью,
Покойтесь припнымъ сномъ,
Иль съ Музой на струнахъ, пишкомъ,
Бредаете — незримой тѣнью
Надъ вами, нѣжные друзья,
Хранитель вашъ — лешаю я...
О други! вѣмъ бѣдамъ презрѣныя!
Здѣсь скорбь минувна; радость — лучъ;
Блеснешь — и гаснешь въ мракѣ тучъ...
А вѣчность — ваше назначенье!
Тамъ, сбросивши покровъ земной,
Увидишься опять со мной...
И мы, простясь съ его могилой,
Задумчивы идемъ домой:
Ужъ полночь намъ гласитъ унылой
На башнѣ колокола бой;
Вкругъ насъ священное молчанье;
И всюду таинственный мракъ...
Лишь дикое совы спенанье,
Крикъ пѣшела и лай собакъ
Тревожатъ тишину полночи...
Лишь изъ-за тучи лунный свѣтъ,

Иль, вспыхнувъ, огонь порой сверкнетъ,
Блудящій въ воздухѣ, намъ въ очи. . .

Или въ саду — въ тѣни алей,
Изъ липъ, акацій, тополей,
Вверху соплѣвшихся вѣтвями,
Гдѣ изрѣдка сверкаль златой
Вечерній лучъ, — рука съ рукой —
З . . . нашъ милый съ нами —
Мы бродимъ, погружаясь въ мечты. . .
И слышимъ, какъ древесъ листья,
Лобзаясь съ вѣтеркомъ, шепчутъ;
Какъ страстно въ густотѣ вѣтвей
Журчитъ и стонетъ, соловей; —
И тихо съ неба звѣзды блещутъ;
И златорогая луна,
Въ печальный крепъ облечена,
Сяѣшишь за лѣсъ по небосклону,
Къ уснувшему глубокимъ сномъ,
Прелестному Эндиміону. . .
То вдругъ серебристымъ облачкомъ,
Въ шокѣ, закроетъ ликъ печальный —
Безъ милаго не миль ей свѣтъ —
То взоромъ, полнымъ слезъ, блеснетъ —
И устремитъ въ потокъ кристальный. . .
И мы, плѣненные мечтой,
Какъ очарованы, стояли;

Прощались съ блѣдною луной,
И, какъ младенцы, лепетали
Нескладные стихи ей въ честь —
Безъ риѣмъ, безъ связи — какъ *ни-есть*, —
Не въ силахъ скрыть сердечна жара. . .

Иль въ зимній скучный вечерокъ,
Собравшись въ дружеской кружокъ,
При тихомъ шумѣ самовара,
При яркомъ свѣчки огонекѣ,
Съ дрожащей чашкою въ рукѣ,
Читаемъ спрашныя Баллады:
Вотъ надъ стремниной *Громобой*! . .
Вотъ пиръ. . . Вотъ колокола бой. . .
Вотъ Асмодея грозны взгляды,
И звукъ цѣпей, и пѣма бѣсовъ
Вокругъ съ разверстыми кохтями. . .
Вотъ старецъ съ свѣтлыми очами.
Гремишь перунъ изъ облаковъ —
Гласъ милосердія и отверженія! . .
Вотъ дымъ кадилъ и ликовъ пѣнья —
И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ. . .
Вотъ спящи дѣвы — огонь ланиный
Какъ у живыхъ; — вотъ верхъ гранишный
Зубчатыхъ стѣнъ, — унесъ у врагъ;
И дѣвы по стѣнамъ блуждаютъ:
Приди, Спаситель! — восклицаютъ. —

И вотъ. . . чрезъ рѣки, горы къ нимъ,
Страны полночной юный жителъ,
Сребрянымъ звонкомъ водимъ,
Лепитъ желанный искупитель! . .
Тамъ бури свистъ и грома ревъ,
Вой вихрей, шумъ и трескъ деревъ, —
Гигантъ, — дѣвица подъ скалою. . .
Вдѣсь Кіевъ, — тронъ съ Княжной младою:
Герой ничѣмъ неколебимъ!
Предъ нимъ прелестное видѣнье. . .
И вотъ онъ надъ Днѣпромъ въ смяшенѣ...
Въ зыбяхъ ныряетъ чолнъ; *Вадимъ*
Въ челнокъ. . . плыветъ; — какъ великаны
Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ; —
Глядишь берегъ дикой сквозь туманы. . .
Видъ разрушенья, дичь кругомъ;
Въ дуплахъ, сова глазами блещетъ,
Иль чешуями змѣй препещетъ. . .
Вотъ холмъ огромной; древній храмъ;
Разрушенны, правой покрыты
Транезы, келій рядъ; — а шамъ
Могила — крестъ, плющемъ обвитый —
И блѣдный пламень. . . черной врань. . .
Вотъ изъ могилы привидѣнье
Возставъ, идетъ, творя моленье,
Въ боръ темной... Тамъ, какъ ведиканъ,
На грудъ — замокъ — скалъ мохнатыхъ

Стоишь, въ оградѣ стѣнь зубчатыхъ,
Чу! за стѣной звѣнишь звонокъ! . .
Багряный запылалъ востокъ!
И вотъ. . . дѣвица вдоль ограды
Идешь — ихъ встрѣтились взгляды —
Вадимъ на встрѣчу къ ней летишь. . .
Сошлись. . . гдѣ замка грозной видъ,
Природы ужась, запустѣнье? . .
Воскресли дѣвы; храмъ блеститъ;
Лилеей свѣшлый крестъ обвѣшь. . .
Хвала! . . свершилось искупленье! . .

А вотъ. . . отъ призрака *Варвикъ*
Бѣжишь. . . Авонъ зрѣшь разъяренный,
Въ челнокъ садишься; слышишь крикъ,
Въ рукахъ Эдвинъ, имъ пополенный!

А тамъ *Минвана* въ тишинѣ
Одна, при мѣсячномъ мерцаньи,
Сидишь подъ дубомъ на холмѣ. . .
И слышишь тихое бряцанье
Висящей *арфы* на вѣшвахъ. . . .

Вотъ на распути *Людмила*: —!
Ядъ въ сердцѣ; ропотъ на устахъ; —
Вотъ другъ-мершвецъ... и вотъ могила!

Вотъ—въ полночь—въ теремѣ одна,
Въ ужасный сонъ погружена,
Сидишь у зеркала *Свѣтлана*. . .

А тамъ — по Реину - рѣкѣ —
Вривъ лебедя и въ челнокѣ
Плывуща къ берегу *Адельстана*. . .

А тамъ *Пустынникъ*; — огонёкъ
Предъ путникомъ трещитъ, дымится;
Плоды предъ нимъ; въ углу сверчокъ
Кричитъ. . . и рѣзвой копь кружишься. . .

А вотъ *Алина* и *Альсимъ*,
Кинжаломъ ревности сраженны. . .
И вотъ *Эдвинъ* — *Эльвина* съ нимъ —
Тоской ко гробу приведенны. . .

Вотъ *Ивикъ*. . . журавлиной крикъ;
Народа шумное волненье;
И *Эменидъ* ужасныхъ ликъ. . .
Ихъ, грудь пронзающее, пѣнье. . .

Вотъ *Ахиллесъ* — Пріамъ вдали,
Со прахомъ *Тектора*, унылой —
Надъ дружной сѣтуешь могилой. . .
И зрѣшь приплывши корабли
Къ берегамъ *Опечества* въ мечтаньѣ, —
Целея слезы и страданье. . .

Тамъ зримъ, предрѣкшу на Пергамъ
Погибель, юную Кассандру. . .

Или Посланья: къ АЛЕКСАНДРУ,
Къ МАГІИ, къ Старцу и къ друзьямъ,
Исполненны души, чишаемъ. . .

Иль въ Станѣ Рускомъ, межъ шатровъ,
Между пылающихъ косровъ,
При свѣтѣ лунномъ, запиваемъ
Разлуку съ падшими виномъ. . .
Вотъ чаша Богу силъ злая!
Героямъ древности — другая!
Надъ нами ихъ побѣдный сонмъ,
Съ Суворовымъ непобѣдимымъ! . .
Вотъ кубокъ Рускому ЦАРЮ! . .
Вотъ знаменитому Вождю, —
Сотрудникамъ неупомимымъ,
Неувядаемый - въ бояхъ —
Вѣнокъ лавровый получившимъ!
Вотъ падшимъ, жизнь, съ мечомъ въ ру-
кахъ,
За честь, за правду положившимъ! . .
Отчизнѣ полный кубокъ сей,
И Музамъ, и любви, и братству,
Хранящимъ блага нашихъ дней! . .
Но чу! перуны по холмамъ грянуль! . .

И шикой *Станъ* опъ сна воспрянулъ!..(*)

И мы — гдѣжъ мы? . . о чародѣй —

Поэтъ, наперсникъ Аполлона!

Отъ струнъ твоихъ могущихъ звона —

Въ шапрахъ не бывши никогда.

И не выдавъ кровавыхъ боевъ,

Ни въ вихрѣ битвъ кипящихъ строевъ —

Мы переносимся шуда. . .

Несмѣшны полчища сражаемъ

Геройской, смѣлою рукой;

Побѣдной гимнъ поемъ съ тобой —

И, въ упоеньи, забываемъ

И съ чашкой чай, и самоваръ,

Предъ нами на сполѣ уснувшій! . . .

О сладкой воспоминанья даръ!

О прелести для насъ минувшихъ,

Но тѣмъ безцѣннѣйшихъ часовъ!

Гдѣ обрѣсти достойныхъ словъ,

Чтобъ прелестъ всю очарованья

Души моей изобразить?

(*) Въ выше приведенныхъ пѣсняхъ есть слова, выраженія и даже цѣлыя стихи — изъ подлинника; я не почелъ за нужное означать оныхъ: ты самъ, другъ мой, легко отличишь можешь, что принадлежить знаменитому творцу — поэту и что неопытному ученику — подражателю его. С. . .

О другъ! могу ли изъяснить
Неизъяснимыя мечтанья
Объятыхъ пламенемъ сердець? . .
И чтожь? ужель всему конецъ?
Ужель запрещено судьбою —
Еще мнѣ видѣться съ тобою
И, съ тихой радости слезой,
Къ груди моей воспламенной
Прижать прелепещущей рукой
Тебя, другъ милой, незабвенной? . .
Ахъ, можешь быть, священный мигъ
Свиданья болѣе не настанетъ,
И юный мой цвѣтокъ увянетъ
Въ чужбинѣ — при глазахъ чужихъ!
И ты, тревожась въ отдаленіи —
Занятый мыслию одной —
Вздохнешь и молвишь въ изумленіи:
„Что долго другъ не пишетъ мой?“ . .
И сердце робкое вострепещетъ,
И на рчакъ слеза заблещетъ. . .
Тогда спѣши въ потъ милый край,
Гдѣ мы, на зло слѣпой Богинѣ,
Нашедши въ чистой дружбѣ рай,
Стояли счастья на вершинѣ. . .
Тамъ встрѣтишь молодыхъ друзей,
Изъ незабудочекъ, лилей
Вѣнокъ плѣшущихъ надъ могилой,

И спросишь: „далеколь другъ милой —
Въ которой хижинкѣ живетъ?“
И чтожь услышишь ты въ отвѣтъ!
— Въ друга твоего мы знаемъ;
Его домъ тѣсной недалёкъ. . .
Въ знакъ памяти ему слѣшаемъ
Изъ свѣжихъ сихъ цвѣтовъ вѣнокъ; —
Мы всей душой его любили;
Мы все ему друзьями были. —
Вздохнувъ, къ могилѣ подведуть
И скажутъ: — другъ твой вѣрный *тутъ!*.
А вотъ, на кленѣ юномъ, сира
Виситъ его уныла лира! —
О другъ мой милой, не спрадай;
Не лей надъ камнемъ слезъ холоднымъ!
И стономъ, ропотомъ бесплоднымъ
Гробовъ покоя не смущай,
Гдѣ прахъ друзей отшедшихъ плѣшетъ!...
Но что? . . . спокой смущенный духъ!
Еще живетъ твой вѣрный другъ! . . .
Я живъ — и даль опять яснѣетъ. . .
Опять горитъ передо мной
Надежды тихое свѣтило;
Опять въ душѣ моей унылой,
Веселыхъ призраковъ съ толпой,
Мечта прелестна воскресаетъ. . .
Я слышу, дружба мнѣ вѣщаетъ

Въ пророческомъ жару: „иди —
Надѣйся! счастье впереди“ . . .
И чувство сердца съ ней согласно. . .
О сердце, сердце! сколько разъ
Тобой обманутьъ былъ несчастной! . . .
Но такъ и быть; — еще на часъ
Ввѣряюсь вамъ, мои Пенаты:
Святая дружба — геній мой,
Надежда съ милою мечтой
И сердце — тайный мой вожатый!

А. Складовскій.
